

Лян Цзинь понял, что она его услышала, встал и сказал:

— Мне еще много посуды мыть, я пошел.

Сказав это, он громко крикнул хозяину:

— Я возьму этот чайник с собой, а когда чай станет слабым, верну его тебе.

Хозяин на мгновение замер. Хотя дела у него шли не очень, он никогда не слышал, чтобы кто-то забирал его чайник домой. Но, поскольку это был его первый заказ, он лишь кивнул:

— Не забудь вернуть мой чайник.

Лян Цзинь так и вышел, неся чайник. Сейчас он зарабатывал больше и не особо заботился о килограмме чая. Однако его близкие привыкли к бедной жизни, пили либо простую воду, либо дешевый чай с легким вкусом. Со временем он перестал настаивать, да и сам не мог понять, в чем прелесть этих напитков. Это было похоже на то, как корова жуёт пион — деньги потрачены, но выпить пару глотков и оставить остальное было бы жалко.

В лавке Матушка Лян и Чэн Хао были слишком заняты, чтобы поговорить с ним. Он пожал плечами, перелил чай в свой чайник и вышел. Однако Чэн Хао и Матушка Лян не обратили на это внимания, пили чай, но так и не почувствовали его настоящего вкуса.

Недалеко от центра города находилась крупная фабрика, работники которой часто обедали у них. В полдень народу было особенно много, одна группа сменяла другую. Лян Цзинь, провожая каждого, вежливо улыбался:

— Завтра выходной, извините.

На следующий день в школе начинались зимние каникулы. Лян Цзинь сбежал из дома, и его было не найти. Классный руководитель, хотя и был уже спокоен, под давлением городского управления образования все же решил навестить его дом. Матушка Лян только повторяла:

— Извините.

Лян Цзинь вышел вперед и сказал, что их семья живет в нужде, едва сводя концы с концами. Учитель знал, что бабушка Лян строга, и, услышав, что Лян Цзинь всегда рядом с матерью, ушел.

Матушка Лян знала, что эти двое договорились. Они были молоды и любили повеселиться, и держать их в этом крошечном доме было бы слишком сложно. Чэн Хао предложил ей пойти с ними, но она покачала головой:

— Вы, молодые, можете выдержать, а я уже старая, мне нужно отдохнуть. Расскажите мне потом, что интересного увидели.

В молодости Матушка Лян гуляла в парке, но тогда он был открытым. Она не понимала, почему здесь за него нужно платить. Когда она вышла замуж за Хуайминя, они зашли туда, но ничего особенного не нашли. Видимо, то, что скрыто за закрытыми дверями, всегда кажется более привлекательным.

Чэн Хао остался ночевать у Лян Цзиня. Он хотел поговорить с ним, но бабушка Лян, словно сойдя с ума, начала ругаться во дворе, и только перед сном успокоилась. Он вздохнул:

— Твоя бабушка — настоящий кошмар, ее слова могут убить всю деревню.

Лян Цзинь, держа подушку, подошел к нему, его рука пролезла под одеяло и схватила руку Чэн Хао. Их пальцы переплелись, и он улыбнулся:

— Зачем тебе обращать на нее внимание? Скоро она получит по заслугам. Сун Дуншэн сейчас наверху и не посмеет ничего сделать, но если он упадет, первыми пострадают моя тета и ее семья. Его главный талант — сваливать вину на других.

Чэн Хао хотел высвободить руку, но Лян Цзинь держал ее слишком крепко. Он только улыбнулся и сдался, тихо сказав:

— Спи.

С этими словами он закрыл глаза.

Лян Цзинь, пользуясь моментом, подошел еще ближе. В свете, проникающем через окно, он разглядел его строгие черты лица, тонкие губы, сжатые в линию. Он, словно замороженный, приблизился, и их взгляды встретились...

Между ними оставался лишь палец, и они чувствовали дыхание друг друга. Лян Цзинь собирался приблизиться еще, чтобы коснуться его губ, когда взгляд Чэн Хао стал глубоким, как бездонная ночь, манящим и загадочным. Его голос стал хриплым и низким:

— Что ты делаешь?

Лян Цзинь усмехнулся, его голос звучал игриво:

— Как думаешь, что я делаю?

Но в его голосе чувствовалась нотка напряжения, и он сглотнул.

Чэн Хао протянул руку и погладил его волосы, жесткие, как иголки, словно успокаивая ребенка:

— Завтра рано вставать, спи.

Это был самый незначительный жест, но сердце Лян Цзиня согрелось от его прикосновения. Эта легкая близость успокоила его слегка взволнованное сердце, но сожаление из прошлой жизни продолжало терзать его. Он обнял Чэн Хао.

Зимой объятия согревали, но для Чэн Хао это было мучительно. Его тело напряглось, руки и ноги не знали, куда деться. Для него Лян Цзинь все еще был ребенком, а он сам уже взрослый. В этом хаосе он осознал свои истинные чувства, но не решался действовать, только сдерживал себя.

Действия Лян Цзиня разорвали эту напряженную нить. Граница была нарушена, и теперь им нужно было поговорить. Чэн Хао был рад, но и растерян. Он считал, что пока рано обсуждать эти чувства, лучше подождать несколько лет, пока Лян Цзинь поймет, что это для него значит.

Чэн Хао думал, что так будет лучше для всех, но его планы прервались, когда его щеку коснулось теплое прикосновение. Лян Цзинь удовлетворенно пробормотал:

— Спи.

Чэн Хао был недоволен, как он сможет уснуть этой ночью? Он ворочался до полуночи, пока, наконец, не почувствовал сонливость. На следующий день он проснулся, и Лян Цзинь уже готовил завтрак. Хотя он не был мастером кулинарии, сварить кашу было несложно.

Матушка Лян так устала, что спала крепко, даже когда они выходили из дома. Они оставили завтрак на плите и ушли.

Они не говорили о том споре, шли молча. Когда они вышли на пустую улицу, Лян Цзинь взял руку Чэн Хао, его губы растянулись в улыбке, показывая хорошее настроение. Чэн Хао огляделся, нахмурился и попытался высвободить руку, но не смог противостоять силе Лян Цзиня. В конце концов, он только сказал:

— Отпусти, это неприлично.

Лян Цзинь бросил на него взгляд, но улыбка не сходила с его лица:

— Редко выбираемся погулять, а ты все придираешься. Хочешь сахарный тростник? Или, может, карамельки?

Чэн Хао удивленно посмотрел на него, не удержался и потянулся свободной рукой к его лбу и спросил:

— Ты после того удара головой стал странным. Может, ты действительно повредился? Я старше тебя на несколько лет, а ты обращаешься со мной, как с ребенком.

Лян Цзинь вздохнул:

— После удара я понял, что раньше плохо к тебе относился. Ты всегда заботился обо мне, а я не слушал тебя, и за это поплатился. Ты, наверное, думал, что я безнадежен, и хотел от меня отстраниться?

Чэн Хао вспомнил его упрямство в те времена, и у него заболела голова. Все говорят, что в своей ситуации сложно разобраться, но он не понимал, почему Лян Цзинь был таким слепым. Он вел себя, как сумасшедший, и все вокруг только отталкивали его. До того, как он ударился головой, Чэн Хао действительно думал, что лучше не общаться с ним, пока он не одумается. Но в итоге его сердце смягчилось. И теперь, после удара, Лян Цзинь стал умнее, перестал быть таким глупым. Но это все в прошлом, и говорить об этом теперь нет смысла.

Пока они разговаривали, они дошли до парка. Погода сегодня была не самой приятной, небо было затянуто серыми тучами, и солнечный свет был слабым. В восемь утра касса парка уже работала, но сегодня там никого не было.

Чэн Хао с недоумением огляделся:

— Неужели сегодня выходной? Лян Цзинь, в этот раз не будем лезть через стену, просто войдем?

Лян Цзинь, обладая острым зрением, заметил подходящего сторожа и громко спросил:

— Дедушка, сегодня билеты не продают?

Старик улыбнулся и помахал им рукой:

— Заходите, через пару дней все это снесут, но будьте осторожны у воды.

Лян Цзинь и Чэн Хао вошли в парк, прошли немного и засмеялись:

— Теперь веришь? Парк больше не будет платным, можно приходить и уходить, когда захочется.

Извините, завтра начну стабильно обновлять. Последние два дня я собирал вещи, меня выгнали, и теперь я предоставлен сам себе. Дни без присмотра наступили~

Радоваться или грустить~

<http://bllate.org/book/16631/1523408>